

Андрей Дашков

**ХЮБРИС,
или
В ТЕНИ МАЯКА**

*Ну что же, баловень
судьбы, иди взгляни
На то, как тень
«Летучего голландца»,
Которым
неизбежно станешь ты,
Уходит в море
медленным посланцем
Окутанной
туманами беды.¹*

**Группа «Jethro
Tull». Flying Dutchman**

*Проснулся утром,
голову побрил,
Когда дошло, что
натворил,*

¹ Свободный перевод с англ. Андрея Дашкова.

*Я был уже немного
неживым.*

*Охранник в
Эдемском саду*

*Задал всего один
вопрос:*

*«Надеюсь, ты с
собой принес?..*

*Ты знаешь, что
имеется в виду».²*

**Группа «King
Crimson». ProzaKc
Blues**

Часть первая На пути к маяку

1

Я был в таком месте, о котором ничего нельзя рассказать, и вот меня разбудил телефонный звонок. Вначале я не понимал, что это, откуда

² Свободный перевод с англ. Андрея Дашкова.

доносятся тревожные звуки, а когда понял, внутри все застыло в ожидании: что теперь? кто на этот раз?

Я уже нахожусь в том неромантическом возрасте, когда от ночных звонков не ждешь ничего хорошего. Да, иногда меня терзает бессонница; случается, я пишу по ночам, но, если бы это зависело от меня, я выбрал бы спокойный сон с двадцати трех до пяти, а вдохновляться предпочел бы на свежую голову. К сожалению, все реже голова бывает свежей. Это не поэтический экспромт, а констатация прозаического факта.

Я хоть и ленив, но еще не настолько стар, чтобы поставить телефон возле кровати. Луна за окном светила так ярко, что я различал стрелки на циферблате настенных часов. Было около двух. Дай бог, чтобы кто-то ошибся номером. Это я переживу. Ничего страшного, засну снова.

Я прошаркал к аппарату, стараясь не наступить на Зака — этот пес не имеет постоянного места и спит где попало. Странная собака, которая, наверное, думает обо мне: странный хозяин. Иногда у меня возникает ощущение, что я для него и не хозяин вовсе, а кто-то вроде случайного встречного, тоже переживающего плохие времена в тихом месте. Учитывая обстоятельства, при которых он попал ко мне, это вполне могло оказаться правдой.

В шаге от телефонного аппарата я едва не

поддался искушению развернуться и направиться в туалет. Физиологический позыв был слабоват, но с мочевым пузырем договориться иногда проще, чем с неизвестностью. Не тянул ли я время? Ну правильно, пытался. Есть у меня такой грешок — все чаще выбираю бездействие, а затем гадаю, постиг ли я мудрость недеяния или попросту струсил. Я надеялся, что тот, на другом конце провода, отвяжется, потеряет терпение... или потеряет надежду. Последняя мысль была моей ошибкой. Я угодил в ловушку долга. Никому не хочется быть последним человеком, которому какой-нибудь самоубийца звонил перед смертью и не дозвонился. Нельзя давать бессоннице еще один повод для визита — у нее на руках и без того слишком много козырей.

Я снял трубку:

— Алло?

— Илья, это ты? — Голос Елены, жены Давида.

— Я.

— Давид пропал.

Так, начинается.

— С чего ты взяла?

— Его мобильный не отвечает. Он не звонил мне уже больше двух недель. Я попросила Марка связаться с ним по электронной почте и этому... как его...

— Скайпу?

— Да.

— Ну и что?

— Ну и ничего. Я чувствую: что-то случилось.

Это аргумент. Лет двадцать назад я попросту отмахнулся бы или сказал ей: «Не бери в голову», — но с тех пор кое-что изменилось. Я стал осторожнее. А кроме того, теперь гораздо больше доверяю интуиции. Чему еще доверять, когда традиции истлевают и жизнь становится все абсурднее?

— Давай по порядку, — я попытался ее успокоить. — Когда ты видела его в последний раз?

— Перед отъездом на этот его дурацкий маяк, месяц назад. Потом он звонил оттуда пару раз, говорил, что скоро вернется и что книга продвигается отлично.

— Какая книга? — ляпнул я и спохватился: — А, ну да, ну да.

Но было поздно.

— А разве... — начала Елена, затем на том конце провода повисла зловещая пауза. Я ругал себя последними словами.

— Илья, — сказала она наконец голосом, остывшим до точки замерзания, — я все поняла. Вы с ним *не пишете* никакой книги! — (Если бы она знала, до какой степени права.) — Этот ублюдок меня обманывает, а ты, сучий потрох, его

покрываешь! Если ты сейчас же...

— Ну-ну, полегче! — оборвал я ее, пока она не разошлась. Хуже женской истерики может быть только мужская сплетня. — Никто тебя не обманывает, а если и обманывает, то я здесь ни при чем. Да, на этот раз он решил что-то там накалякать без меня, ну и какого хрена ты орешь?!

Я сам начал заводиться. Где-то за спиной недовольно заворчал Зак. Вот поганец. Надо будет напомнить ему при случае, кто у кого живет. У пса мерзкий характер, но к Давиду он относился терпимо. Тот называл его Заккарией, а иногда Захером.

— Так, ладно, — сказала Елена неожиданно деловым тоном. — Если ты сейчас мне врешь, я тебя больше не знаю и знать не хочу. А если не врешь, то помоги.

— Чем же я могу тебе помочь?

— Скажи, где находится этот долбаный маяк.

Приехали. Я очутился между двух огней. Давид мне друг, а все истины относительны. Ну и что прикажете делать в такой ситуации? Впрочем, даже спросонья, пойманный врасплох посреди ночи, я понимал: сдавать маяк нельзя. Тут надо кое-что пояснить. Несмотря на явную и вполне искреннюю приверженность «семейным ценностям», Давид сумел ловко обустроить свое жизненное пространство и оградить его от

вторжения посторонних. Что касается творческого процесса, тут посторонними считались даже его обожаемые домочадцы, и в некоторые места им доступа не было. «Иначе я просто не написал бы ни строчки, — говорил он. — Старый Рафа торчал бы у меня в кабинете и поминутно лез бы смотреть порносайты, а Ленка сверлила бы башку насчет благоустройства дачи...» Ну и так далее.

По старой привычке я попытался тянуть время:

— Зачем? Ты собираешься туда поехать?

— Да!

— Плохая идея. Это довольно отдаленное место, и добраться туда не просто. Давид специально выбирал, чтобы его там никто не беспокоил. А если он просто выбросил мобилу и пишет, как проклятый? Представляешь, что он с тобой сделает, когда тебя увидит? А меня так просто с дерьмом смешает...

— Чем дальше, тем я сильнее убеждаюсь, что ты, падла, его покрываешь.

— Закрой пасть, Елена. — Настал момент выложить главный козырь. Тем более что мой старый, но все еще надежный «ниссан патрул» со вчерашнего дня был снаряжен в путь. — Я сам туда съезжу и все выясню.

Такого поворота она не ожидала. Еще недавно я тоже от себя такого не ожидал. Однако бывают обстоятельства, когда даже лежачему камню

приходится отправляться в дорогу.

— Нет, — заявила Елена, переварив мое предложение. — Я хочу видеть тварь, с которой он кувыркается.

— Что ты несешь? Нет никакой твари. Есть только книга, которую надо сдать до конца месяца.

Пока говорил, я сам в это верил. Ну, почти верил.

— А то что будет? — спросила она тихо.

— В смысле?

— Что будет, если вы с ним, а вернее, *он* не закончит книгу в течение месяца?

— Неустойка, — начал сочинять я. — Штрафные санкции. Очень плохо для репутации. Как ты знаешь, в октябре — Франкфурт...

— Не верю, — сказала она. — Не верю ни единому слову. Я еду с тобой.

Оп-па. Только этого мне не хватало — Елены на переднем сиденье. Учитывая, что это место давно облюбовал мой пес, поездочка получилась бы та еще. Меня это категорически не устраивало. Достаточно и того, что я вообще оторвал задницу от любимого дивана. При всем уважении, жена Давида в больших дозах мне противопоказана. Я не знаю, что с ней делать и как себя вести. На мой вкус, она не настолько привлекательна, чтобы соблазнять ее, рискуя хорошими отношениями с моим номинальным соавтором. А видеть в этой

женщине просто собеседника, друга, советчика — нет уж, увольте.

В общем, я не смог придумать ничего лучше, кроме как пообещать ей все, что она хотела, и выехать пораньше. Без нее, разумеется.

Кажется, она заподозрила нечистую игру, но, слава богу, мы живем в разных концах города, а их машину наверняка взял Давид. Правда, существовали такси, но тут уж я вывернулся наизнанку, чтобы убедить ее до утра не дергаться, а затем подробнейшим образом обсудил с ней, где, когда и в какой позе я буду ждать ее на своем «ниссане» и что нужно взять с собой, чтобы успешно одолеть трудности дальнего пути.

Под конец она чуть ли не прониклась ко мне благодарностью — мне явно удалось ее обнадежить. Я чувствовал себя сволочью и понимал: пропал остаток ночи. Хоть собирайся и езжай прямо сейчас. Но я ненавижу, когда нарушаются мои планы, даже вынужденные, даже в мелочах. Кроме того, я испытывал нешуточную тревогу, которая за пределами дома, в ночной темноте, грозила перерасти в беспричинную панику. Хотя, если я не осознавал причин, это не значит, что их не было. В любом случае, я надеялся, что, как это случалось прежде не раз, при утреннем свете морок рассеется и пресс обязательств покажется легкой озабоченностью.

Ждать оставалось недолго — пару часов. Я включил торшер и уселся в старое, идеально продавленное под мой геморрой, кресло, в котором обычно читаю или слушаю музыку. Зак тотчас взобрался на освободившийся диван и развалился на нем лапами кверху. Ну ладно, так и быть, почему не побалдеть напоследок. Настроения читать у меня не было; я решил послушать что-нибудь ночное, меланхолическое, соответствующее текущему моменту. Выбрал Торда Густавсена, под которого и продремал до рассвета.

2

Я стоял над унитазом, когда раздался следующий звонок. Грешным делом подумалось, что это сучке Елене не терпится и она решила меня простимулировать. В принципе, время от времени я действительно нуждаюсь в побудительных пинках. Но не сегодня. До телефона я добрался примерно после двадцатого звонка. Приготовился отбивать атаку взвинченной женщины, снял трубку, рывкнул «Да!» — и услышал голос Марка, который выпалил, глотая половину звуков:

— Дядя Илья, мама в больнице, подозревают инфаркт.

Ну что вам сказать? Если буду отрицать, что испытал облегчение, вы все равно не поверите, а

если признаюсь в нехристианских чувствах, рискую прослыть маленьким чудовищем, относительно безопасным только благодаря своей исключительной лени. Короче говоря, я уже бормотал слова сочувствия, когда шестнадцатилетний оболтус вдруг заявил:

— Я еду с вами.

Значит, за минувшие пару часов она успела рассказать сыну о нашей договоренности, как следует накрутить его и заработать сердечный приступ. Когда меня припирают к стенке, я начинаю отчаянно сопротивляться — просто из принципа.

— Нет, дорогой, — сказал я с лицемерной заботой, — а как же мама? Нельзя оставлять ее сейчас...

— За ней присмотрят дед и бабушка. Самое главное, что я могу для нее сделать, это найти отца.

— Это она тебе сказала?

— Она в реанимации, меня к ней не пускают.

— Извини. — Ясно было, что парень растерян и подвержен диаметрально противоположным порывам. Я постарался направить его юную нерасплесканную энергию в нужное мне русло. Когда семья большая и дружная (а у Давида семья именно такая) и все готовы горой постоять друг за друга, не так-то легко увернуться от последствий их трогательной взаимной заботы. — Я поеду сам и

сделаю все, что смогу. Буду держать тебя в курсе. Ты номер своего мобильного не менял?

— Нет.

Я заверил парня, что, если его отец действительно исчез и я нападу на какой-нибудь след, то сразу же ему сообщу.

Положив трубку, я решил побыстрее отправиться в путь, пока моим намерениям не помешал очередной звонок. Позавтракать можно и в дороге. Я ограничился чашкой крепкого кофе, а также залил полный термос на перспективу. Зак к тому времени уже окропил абрикосовое дерево в моем старом заброшенном саду и намекал, что неплохо бы пожрать, то есть с грохотом возил по полу свою миску. Пришлось покормить проглота, который никогда не бывает сытым.

Пока он набивал брюхо, я закрыл окна, проверил газ, заднюю дверь и опустил роллеты. В доме нет ни денег, ни драгоценностей, но мне очень не хотелось бы, чтобы какой-нибудь дегенерат насрал на мой сильно потертый ковер или утащил мою стереосистему, не говоря уже о книгах, виниловых пластинках и компакт-дисках, которые я собирал долгие годы. Дело не в иллюзиях материального свойства; я прекрасно знаю, что это всего лишь бумага, куски фольги и пластика, а то, что на них запечатлено, — не более чем мое лекарство от пустоты и скуки, может быть, даже

галлюциноген, уводящий от реальной жизни. Но у меня было предчувствие, что очень скоро я столкнусь с так называемой реальной жизнью лоб в лоб, и у меня это, черт возьми, не вызывало ни малейшей радости. Да, не вызывало ничего, кроме раздражения и заведомой усталости.

Напоследок я обвел взглядом комнату и, конечно, не избежал писательского соблазна «покачать» ситуацию. Явилась мысль: возможно, ты видишь это в последний раз. Я поспешно ее прогнал. Дьявола нельзя провоцировать; с ним можно до поры до времени играть в прятки — но, если играешь, тогда, по крайней мере, сиди тихо и не высовывайся.

Я вывел из гаража «патрол», запер ворота и двери. На часах было шесть с минутами. «Ну, с богом», — сказал я самому себе и выехал на дорогу. Пока дом не скрылся из виду, Зак смотрел назад и тихо поскуливал. Такого с ним раньше не бывало. Не оглядывайся на дом свой, пес.

3

Чтобы немного взбодриться, я включил FM-станцию, передававшую рок, и дал себе слово, что хотя бы попытаюсь получить от удовольствия от поездки, чем бы она не закончилась. Я еще помнил времена, когда был менее тяжел на подъем,

а на том месте справа от меня, где сейчас лежит этот блохастый кобель, сидела Ирка. М-м-м, Ирочка... Мечта, а не женщина. Я имею в виду, мечта закоренелого холостяка. Она никогда ничего не требовала, ни на чем не настаивала, ничего никому не доказывала. Она просто была — и спасибо ей за это. За десять лет знакомства мы с ней ни разу не поссорились. Не возникало даже малейших напрягов, несмотря на мой махровый эгоизм и здоровенных тараканов в черепной коробке. Только не ждите от меня дешевой романтики, типа Ирочка погибла в автокатастрофе, и теперь я, одинокий и никем не понятый, хожу поплакать на ее могилку и тщетно ищу ее образ в каждой встречной женщине. Ничего подобного. Ирка жива-здорова (и дай ей бог всего самого-самого), обитает в Канаде, имеет свой книжный магазин и время от времени зовет меня к себе. Мне нравится думать, что у меня есть запасной аэродром. Может, когда-нибудь я, старый дурак, наконец брошу все, полечу к ней и забуду в ее объятиях о несбывшихся мечтах и самой смерти. Что меня здесь держит? Уж, во всяком случае, не басня о том, что писатель должен жить на родине, — достаточно вспомнить Набокова. Но об этом позже. Надеюсь, вы поймете. Хотя чаще всего я и сам себя не понимаю.

«Патрол» все еще неплохо чувствовал себя на

трассе, а вот мой кошелек после первой же заправки почувствовал себя гораздо хуже, учитывая аппетит трехлитрового движка и нынешние цены на горючее. По моим прикидкам, денег должно было хватить на дорогу туда и обратно, но непредвиденные расходы могли пробить в бюджете черную дыру. Я думал об этом с содроганием. Не те времена, чтобы ездить автостопом, да еще со злобного вида дворнягой. «Эй, — сказал я себе, — это ты так получаешь удовольствие?»

Я отключил мозги и присмотрелся к пейзажу. То ли у меня проблемы с восприятием, то ли это проклятая богом страна — хоть убей, я не видел ничего, что радовало бы глаз. Вероятно, могла бы порадовать природа, если бы не была до такой степени искалеченной, отравленной, загнанной в резервации. По обе стороны шоссе возникали то убогие фермы, то уродливые крепости новых феодалов, то посадки маленьких сосен — будущих жертв Нового года, то останки горелого леса. Только в небе еще сохранилась иллюзия свободы: облака плыли от края до края, да изредка мелькала быстрая птица. Последний раз я проезжал этой дорогой года три назад, и с тех пор мало что изменилось, а если изменилось, то к худшему.

Но кафе «Отдых» пока стояло на месте, его не прикрыли из-за недостатка клиентуры и не сожгли бандиты. Помнится мне, тут кормили вкусно и

сравнительно недорого, что сейчас большая редкость. Я зарулил на стоянку и поставил машину с краю, так, чтобы из нее не было видно входа в кафе, однако Зак уже понял, чем для него дело пахнет, уставился на меня и угрожающе зарычал.

— Какого хрена? — сказал я. — Пожру и тебе принесу. Пятнадцать минут, не больше.

В ответ он схватил зубами ручку переключения передач и выдернул ее из сочленения. Ручка была обычной только с виду. На самом деле она сделана на заказ и представляет собой рукоять стилета, клинок которого в замкнутом положении полностью спрятан внутри полого рычага. Таким образом, в критический момент ручка быстро и неожиданно для нехорошего попутчика может превратиться в оружие. До сих пор критический момент не наступал, и я надеюсь, никогда не наступит. Я не беру попутчиков. Принципиально.

— Ладно, ну тебя к дьяволу. — Я не без труда забрал у Зака опасную игрушку, достал поводок и пристегнул карабин к ошейнику. После чего вылез из машины и направился с упрямым псом в близлежащий лесок, где он изнурительно долго метил территорию. В конце концов мне все-таки удалось притащить его обратно к машине и привязать к переднему бамперу. Не без злорадства бросив «Охраняй!», я оставил его скрежетать

зубами и зашел в кафе.

Обстановка здесь была прежняя, меню знакомое, цены вменяемые. Обслуживала та же приветливая официантка. В небольшом зале сидело несколько дальнбойщиков, парочка ссорящихся влюбленных и одинокий байкер, чей «чоппер» я заметил на стоянке. Из подвешенного под потолком телевизора изливался поток говна, которое зовется новостями и заставляет поверить в то, что ты заперт в психушке размером с планету.

Подошла официантка; я заказал себе завтрак и пакет на вынос. Пока ждал выполнения заказа, украдкой разглядывал байкера. Меня всегда интересовала эта братия, только не те ее представители, что днем сидят в банках и офисах, а ночью выезжают попижонить и верят в то, что, оседлав «чоппер», они имеют свободу сзади. Этот, кажется, принадлежал к другой породе, в наше время совсем малочисленной, практически вымершей в эпоху GPS. Он выглядел как последний призрак безвозвратного прошлого. На нем была потертая, запыленная и потрескавшаяся кожаная куртка с волчьей головой на рукаве, а спину его я не видел, потому что он сидел ко мне боком. Я бы дал ему лет шестьдесят, хотя борода и морщины возле глаз, возможно, сильно его старили.

Он почувствовал мой взгляд, повернул голову и несколько секунд смотрел на меня в упор. Я уже

говорил вам, что мне не нужны неприятности, особенно в самом начале пути? Не говорил? Так вот, они мне не нужны. Я отвел глаза и принялся рассматривать других посетителей кафе, не столь колоритных. Дальнобойщики были классическими типами, ни влево, ни вправо, а влюбленные что-то яростно шептали друг другу, сблизившись головами, — то ли обменивались претензиями, то ли разжигали страсть.

Байкер допил стакан, в котором была жидкость, очень похожая на кефир, рыгнул и выгреб из кармана деньги. Когда он разжал пальцы, у него на ладони оказалось много мятых купюр и на удивление много монет. Он долго возился и с теми и с другими, разглядывая купюры и монеты так, словно вспоминал, что означает и с чем соотносится их номинал. Наконец бросил несколько бумажек на стол и поднялся на ноги.

Это был грузный мужик почти двухметрового роста, с длинными волосами, забившимися под воротник куртки. Поскольку он направился, тяжело ступая, не к выходу, а ко мне, я пожалел о том, что не захватил с собой стилет. Хотя, может, оно и к лучшему — байкер выглядел опасным человеком, способным отобрать у писателя его «перо» и засунуть ему же в задницу.

Нависнув надо мной, он положил на стол свои здоровенные ручищи (на тыльной стороне левой

был вытатуирован якорь, а на правой — картуш с девизом, написанным по латыни, в коей я ни бельмеса не сообщаю). Я застыл в напряжении, стараясь на этот раз не отвести взгляда от его водянистых, грязно-зеленых, словно подернутых тиной, глаз, и прислушиваясь к наступившей в кафе тишине, которую нарушало только журчание рекламы из телевизора.

Байкер вдруг заговорил таким хриплым и сдавленным голосом, будто у него были застужены связки:

— Когда встретишь Хендрика, передавай ему привет от Райхеля. И еще: собираемся в ночь зимнего солнцестояния в Неоновой гавани.

— Вы меня с кем-то путаете, — сказал я, гадая, не проще ли в таких случаях соглашаться передать любые приветствия.

— Путаю? Ну-ну. — Байкер криво ухмыльнулся, обнажив крупные желтые зубы, развернулся и направился к наружной двери. Там, где на столешницу опиралась его правая пятерня, лежала монета. Я хотел сказать ему об этом, потом сообразил, что это ни хрена не случайность и тем более не чаевые для официантки. Он оставил монету специально. Для меня.

Похоже, никто из посетителей этого не заметил. Конфликта не произошло, мордобоя не будет; в общем, ничего интересного. Все снова

занялись собой, а я попытался заняться своей яичницей. Правда, теперь делал это машинально; внимание было поглощено монетой, но хватать ее я не торопился. Она была блестящей, современной на вид, довольно большой, похожей на юбилейную медаль из тех, которые когда-то отливали на заказ по всякому поводу.

Снаружи завелся «чоппер». Я дождался, пока его удаляющееся бормотание окончательно стихло, и только тогда протянул руку и взял монету. Она не сохранила тепло другой руки, в которой побывала совсем недавно, и оказалась странно холодной. Но ладно бы только это. Теперь я мог разглядеть ее как следует. Это была монета достоинством двадцать канадских долларов выпуска 2005 года. На аверсе имелся рельефный портрет королевы Елизаветы Второй. Ничего необычного. Зато на реверсе был изображен маяк.

Более чем внятный намек. Тем не менее я честно обдумал другие варианты. Не знаю, каков курс канадского доллара, но для сувенира, врученного первому встречному, к которому байкер внезапно проникся симпатией, явно дороговато. Это не вызывало у меня сомнений, даже если бы не прозвучала фраза насчет «привета Хендрику». Ладно, беру, такими штуками не разбрасываются... и еще неизвестно, что придется предъявить этому самому Хендрику в качестве подтверждения моих

Я сунул монету в карман, наспех забросил в себя остаток завтрака, расплатился и вышел на стоянку с намерением поскорее продолжить путь. Не получилось. Возле «ниссана» бушевала небольшая пыльная буря. На моего пса наскакивал здоровенный кобель. В собачьих породах я разбираюсь достаточно, чтобы отличить кавказскую овчарку от немецкой. На кавказце был строгий ошейник, но хозяина в поле зрения не наблюдалось. Несмотря на то что противник был раза в полтора больше, Зак яростно отбивался и даже изредка переходил в контратаки, насколько позволяла привязь. Я появился как раз в тот момент, когда два пса готовились войти в клинч для окончательного выяснения, кто кому первым вырвет глотку.

Я огляделся в поисках чего-нибудь похожего на дубину. В такие минуты остро сожалеешь о запрете на свободную продажу оружия. Между тем Зак изловчился и вцепился в кавказца снизу, повиснув на нем, словно рыба-прилипала на акуле. Челюсти у него были недостаточно большие, чтобы довести дело до конца, и долго это продолжаться не могло. Кавказец отчаянно метался, пытаюсь

стряхнуть с себя Зака, но я-то как раз боялся того, что он навалится на моего пса сверху и попросту задавит его своей массой. Вдобавок длина поводка была совсем небольшой, и вскоре наступил момент, когда Заку пришлось выбирать между жаждой крови и самоудушением.

Я немного помог ему определиться. Подскочил к кавказцу сзади и врезал ему ногой по яйцам, которые болтались на виду и представляли собой удобную мишень. Кавказец взвыл и пустил багровую струю. Никогда раньше я не видел такого эффекта. Полузадушенный Зак отлетел в сторону, а я, как замороженный, смотрел на его противника, который пытался подняться на раздвинутые задние лапы. Наверное, мой пес успел вдобавок порвать ему пах. Судя по всему, дела его были плохи.

Пора сматываться, решил я. Но тут хлопнули дверцы. Я поднял глаза и увидел черный «BMW», стоявший метрах в пятнадцати от моего «патрола». Из него вылезли двое... ну да, кавказцев. Они направлялись ко мне, и по их виду мне все стало ясно. Не иначе, они решили потренировать свою собаку и хотели получить удовольствие от зрелища, но Зак своей отвагой и я своим пинком нарушили их планы.

У меня сделалось кисло во рту. Один из кавказцев широко улыбался, однако его улыбка успокоила бы разве что клинического идиота. Я

подумал, что наши с Заком трупы вполне могут оказаться вскоре в том самом месте, где я недавно его выгуливал. И найдут их не скоро...

— Зачем обижаешь собаку, дорогой? — спросил весельчак, доставая откуда-то из-под куртки пистолет, который, судя по виду и размерам, был знаменитым «стечкиным». — Ай, нехорошо. Злой ты человек.

Я медленно отступал к своей машине, не выпуская из руки пакет с едой и шаря взглядом по стоянке в поисках спасения. В мозгу, словно заезженная пластинка, крутилась мысль: «Что может быть глупее?» Влип в дерьмо, не отъехав от дома и на двести километров.

Кавказцы поравнялись со скулящей овчаркой, и у меня на глазах весельчак приставил ствол к голове своего пса и разнес ему пулей голову. Это было проделано хладнокровно и без малейших сомнений. Я быстро огляделся по сторонам в надежде, что хотя бы выстрел привлечет чье-нибудь внимание. Тщетно. Кроме нас, на стоянке не было ни души, в кафе шумел телевизор, а по трассе, не притормаживая, проносились машины.

Зак уже очухался, но мгновенная смерть недавнего врага, по-видимому, подействовала на него, как холодный душ. И слава богу, потому что он стал бы следующим, если бы бросился на

кавказцев, я был в этом абсолютно уверен. Правда, меня это не очень утешило, поскольку по всему получалось, что следующим буду я.

Второй кавказец, не такой улыбчивый, тоже оценивал обстановку и заодно загоразживал мне один из путей отступления — к кафе. Обстановка, с его точки зрения, была как нельзя более подходящей. Я догадывался, что вопрос заключается лишь в том, где именно меня прикончить. Кроме того, я не сомневался, что кавказцы возьмут себе «патрол» в качестве компенсации за моральный ущерб, а значит, скорее всего, отведут меня в сторонку, чтобы не забрызгать кровью машину и не возиться с трупом. Мои догадки подтвердились.

— Пошли, дорогой, — сказал весельчак, уперев ствол мне в живот. Я чуть не обоссался. Ну не герой я, мать вашу. Я тихий стареющий писака, который бывает крут только на бумаге. Все, чего я хотел в ту минуту, это чтобы происходящее оказалось дурным сном, чтобы в следующее мгновение я проснулся на своем диване и больше никогда, никогда, никогда с него не слезал, разве что покушать и в сортир.

Но кошмар не заканчивался. От кавказца исходил крепкий запах пота. Во взгляде читалось, что ему без разницы, кого резать: барана или человека. Человека даже интереснее. Барана может

зарезать и пацан, а он — мужчина.

Нажим на мой живот усилился. Я был вынужден отступать туда, куда меня подталкивали. Зак с рычанием двинулся в нашу сторону. На нем была кровь.

— Хорошая собака. Смелая, — сказал весельчак, не повернув головы. — Не буду сразу убивать. Оставлю себе, всем покажу, потом чучело сделаю.

Он меня загипнотизировал своей болтовней и своим «стечкиным». Я двигался маленькими шажками, а выше пояса был словно оцепеневший кролик. Со стороны могло показаться, что три друга, мирно беседуя, направляются отлить, только почему-то не в биосортир, установленный позади кафе, а в другую сторону. И все же как минимум одному человеку так не показалось.

Голова весельчака внезапно мотнулась в сторону, и из нее выплеснулась струя крови. Умер он практически мгновенно. Выражение его лица не изменилось; он продолжал улыбаться, пока мешком оседал к моим ногам.

Выстрела я не слышал, из чего следовало, что стреляли либо издали, либо использовали глушитель. А вот то, что весельчак мог рефлекторно нажать на спуск и выпустить очередь из «стечкина» в мой только что набитый живот, пришло мне в голову гораздо позже. Все

происходило так быстро, что я со своей извечной рефлексией сильно отставал от событий.

Я инстинктивно наклонился и втянул голову в плечи. До этого я успел только увидеть, что второй кавказец, забрызганный кровью своего соплеменника, отшатнулся и сунул руку под куртку. Потом в моем поле зрения появилась его голова с разинутым ртом и дыркой во лбу.

До меня не сразу дошло, что это мое спасение; сначала я решил, что стою третьим в очереди на отстрел. Поэтому мне не стыдно было упасть на четвереньки и из такого положения стартовать под прикрытие «ниссана». Пакет пришлось бросить — когда стреляют, становится не до жратвы. Уже по пути мне захотелось вернуться, но не за пакетом, а чтобы вооружиться «стечкиным», однако я тут же передумал, едва представил себе, что начнется, когда на стоянке обнаружат два трупа, сопоставят время, а меня наверняка вспомнят посетители кафе и официантка. Еще минуту назад отсутствие свидетелей было трагедией, но теперь меня охватила дикая радость, когда я понял, что никто из проезжающих мимо по-прежнему ничего не замечает. Я мысленно погладил себя по головке за то, что выбрал такое укромное местечко для стоянки. Теперь следовало побыстрее уносить ноги.

Зак, про которого я забыл, пока трясся за свою шкуру и тащил свое дерьмо под дулом пистолета в

сторону лесочка, уже полностью отошел от схватки и при моем приближении, да еще на четырех конечностях, завилал хвостом, празднуя двойную победу. Я с трудом отвязал поводок непослушными, дрожащими от шока пальцами, почти забросил Зака на переднее сиденье, ввалился сам и еще три-четыре секунды не мог попасть ключом в замок зажигания. Наконец завел двигатель, развернулся и, с трудом сдерживаясь, чтобы не рвануть наобум, дождался «окна» в потоке идущих по трассе машин. Уже перестроившись в правый ряд, метрах в двухстах от кафе, я вдруг увидел знакомый «чоппер», стоявший на обочине. Байкера нигде не было видно.

И я почему-то вспомнил его слова, странную просьбу «передать привет от Райхеля». Я не знал, что и думать, но был бы не против, если бы у меня появился ангел-хранитель, который позаботится о том, чтобы привет дошел до неведомого мне Хендрика... и чтобы состоялась встреча старых друзей в Неоновой гавани.

5

Я так спешил убраться подальше от злополучной стоянки, что только километров через пятьдесят ненадолго остановился, чтобы осмотреть раны доблестного бойца. Рискованная затея,

учитывая его реакцию и остроту зубов, однако, к счастью, новых укусов мне удалось избежать. Зак вроде бы не получил серьезных повреждений; оставалось надеяться, что убитый кобель не был болен чем-нибудь смертельным.

Следующие пятьсот километров мы миновали без приключений. Я вел машину, тщательно соблюдая все правила и скоростной режим, старался ничем не привлечь к себе внимания, останавливался только в людных местах и запирал Зака в машине, несмотря на его яростные протесты, а выгуливал пса прямо на обочине, не вылезая из «ниссана». При виде дорожных патрулей я начинал невнятно молиться, и, должно быть, где-то наверху все же снизошли до моей ереси и избавили меня от общения с теми, у кого возникают дурацкие вопросы в самый неподходящий момент и кого никогда не бывает рядом, когда это действительно нужно.

Под вечер погода начала портиться, сгустились тучи и закапал дождь. Во время последней остановки я сверился с картой. Мотелей на трассе было достаточно. Я выхлебал весь кофе из термоса и почувствовал сильнейшую усталость еще раньше, чем стемнело. С непривычки ломило спину, ныла натруженная задница, а однажды судорога прихватила ногу. Денек, прямо скажем, выдался нелегкий. Я решил остановиться в первом

попавшемся мотеле. Судя по светящейся вывеске, он назывался «Роза ветров». Вероятно, это заведение появилось недавно; во всяком случае, такого названия я не помнил.

Каким-то образом Зак отличает мотели от других мест и ведет себя на редкость покладисто. Словно знает, что здесь не очень-то рады четвероногим друзьям постояльцев. Пару раз мы с ними уже проворачивали такой номер: я оставлял его в машине, регистрировался, а потом забирал к себе в комнату, где он ночевал по-человечески, то есть на своей половине кровати.

По такому же сценарию я действовал и теперь. Менеджером «Розы ветров» был низкий плотный человек с рыжей норвежской бородкой и редким в этих краях именем Олаф, что следовало из надписи на бэджке. Его маленькие глазки глядели на мир совершенно равнодушно, и я проникся уверенностью, что обращать внимание на мелочи вроде следов собачьих лап на полу было ниже его достоинства.

Он молча выдал мне регистрационную карточку и ключ от седьмого номера. Я собрался было сразу заполнить карточку, но он махнул рукой — дескать, как-нибудь потом. Я прошел вдоль стены мотеля под навесом, по которому барабанил дождь, и открыл дверь с цифрой 7. Вы уже, наверное, поняли, что я не люблю спать где-либо,

кроме своего дома, и на чем-либо, кроме своего старого дивана. Но выбора не было. Я зашел в комнату и, не зажигая света, выглянул наружу через щели оконных жалюзи. Сгущались сумерки. На стоянку мотеля зарулил микроавтобус, из которого вывалилась компания — четыре парня и три девушки. Я дождался, пока они зайдут в офис менеджера, а охранник скроется в своей будке рядом со шлагбаумом, и, подняв воротник, отправился вызволять пса.

В виде исключения Зак при моем появлении заулыбался и без всякой команды затрусил следом, сохраняя дистанцию и делая вид, что он — бедная промокшая дворняга и ни на что не претендует. Правда, по пути он все же справил нужду на чье-то колесо. Охранник то ли его не заметил, то ли не обратил на него внимания, и вскоре я с облегчением запер дверь седьмого номера изнутри, разделся и принял душ. Зак мыть лапы категорически отказался, а я слишком вымотался, чтобы настаивать.

Мне казалось, что я усну, как только коснусь ухом подушки, но черта с два. В голову полезли непрощенные мысли, а в сердце — непрощенная печаль. Застреленные неведомым благодетелем кавказцы то и дело возникали перед глазами, а их головы лопались, как спелые арбузы, обдавая меня совсем не арбузным соком. Теперь я сожалел, что

все-таки не подобрал «стечкина», хотя эти позывы были больше следствием слабости нервишек, нежели отголосками серьезных намерений.

Спустя сорок минут, как следует покрутившись на казенных простынях, я понял, что мне надо выпить. Вообще-то, я не пью. Дело тут не в принципах, просто не получаю удовольствия. Но сейчас алкоголь был нужен мне в психотерапевтических целях.

Кряхтя, я поднялся, оделся и пощупал пачку купюр. Она была тоньше, чем хотелось бы, а между тем начинались те самые непредвиденные расходы. Ладно, что делать, жизнь — сплошные потери. «Сиди здесь, я скоро», — сказал я Заку, которого, впрочем, и так не тянуло под дождь.

Снаружи уже наступила темнота. Магазин при мотеле поблескивал витриной и манил пивной рекламой. Меня интересовало что-нибудь покрепче. Перед магазином стоял синий «форд» с работающим двигателем. В машине никого не было, однако, войдя через стеклянную дверь, я обнаружил, что являюсь единственным покупателем. Продавец находился не за стойкой, а ближе к выходу — возился возле автомата, торгующего напитками. Он обернулся не сразу, и у меня была минута-другая, чтобы изучить ассортимент. Я уже присмотрел четвертьлитровую бутылку приличной водки, когда он

продемонстрировал мне, что хороший торговец спиной угадывает желания клиента. Или же то, что, при внешней непритязательности, в «Розе ветров» хорошо налажена система обслуживания.

Пока я доставал из кармана деньги, он приблизился ко мне, держа в руке бутылку с темным во всех смыслах содержимым. На его морщинистом обветренном лице играла лукавая улыбка. Со словами: «Не беспокойтесь о деньгах, первая — за счет заведения», — он протянул мне бутылку. Это выглядело странновато, но явного повода отказаться не было, да к тому же появилась возможность слегка сэкономить. Я взял бутылку и взглянул на этикетку. Ром бакарди, черный. Информация о производителе то ли отсутствовала, то ли была напечатана исчезающе мелким шрифтом.

— Не пожалеете, — сказал продавец. — Снимет усталость, подарит полноценный сон. И что немаловажно, никакого похмелья.

Звучало слишком заманчиво, чтобы быть правдой. Вообще-то, я подозрительно отношусь к неизвестным мне напиткам и мало осведомлен по части импортного алкоголя, но подумал, почему бы не начать просвещаться прямо сегодня, а то ведь может оказаться поздно. Поблагодарил продавца и совершил обратную пробежку под усилившимся дождем. По пути сказал себе: «Братец, не кажется

ли тебе, что подозревать, будто тебя хотят отравить в мотеле, где ты случайно остановился, — это уже паранойя? А заодно и манией величия попахивает. Кому ты на хер нужен?»

Как бы там ни было, перспектива ночевки в номере теперь выглядела немного иначе. По-моему, Зак мне слегка завидовал, хотя я не представлял, знакомо ли собакам состояние опьянения. Я решил закусывать шоколадом, которым запасся дома, откупорил «первую — за счет заведения» и плеснул на два пальца в металлическую дорожную кружку.

На запах и на вкус ром бакарди оказался ничего. Очень даже ничего. После второго захода я избавился от кровавых мальчиков в глазах, но ни в одном глазу по-прежнему не было сна. Не слишком хорошо осознавая, что делаю, я достал из кармана монету, оставленную мне загадочным Райхелем, повертел ее в руке, и вдруг меня прошиб холодный пот. Даже с поправкой на мой склеротический возраст, так долго избегать сопоставлений было непростительно. Не иначе, я просто отказывался воспринимать то, что грозило окончательно разрушить уютный мещанский мирок, тщательно охраняемый моей ленью.

Дело в том, что три дня назад я получил от Давида большое письмо по электронной почте. Собственно, оно и заставило меня сняться с насиженного места. Говорить о нем Елене я счел

излишним по целому ряду причин. Теперь я сильно жалел, что не распечатал текст, чтобы всегда иметь его под рукой. У меня возникло острое желание перечитать его снова; почти каждое слово из тех, что я запомнил, приобрело иное звучание. События последних суток наполнили эти слова новым смыслом. То, в чем я раньше усматривал лишь попытку слегка развлечься за мой счет и, вероятно, в очередной раз сделать из меня клоуна, теперь пахивало намеками на некую тайну.

Если коротко, Давид просил меня срочно приехать, не считать его просьбу шуткой или розыгрышем, а к предупреждениям отнестись серьезно. Помню почти дословно: «Я не обкурился, хотя здесь по-прежнему хватает конопли». Мотивация? Новая книга, которая, по его словам, «будет иметь эффект разорвавшейся бомбы... если мы все сделаем правильно». Этой фразы я не понял. Так же, как не понял самой последней (хотя она врезалась мне в память намертво), поскольку знал, что Давид никогда не разбрасывался аллегориями. А фраза была такая: «Ничему не удивляйся: команда «Летучего голландца» сходит на берег».

6

Ну вот, пришла пора достать из шкафа первый скелет. Человека по имени Вадим Ильин не

существует, но такого писателя знают многие. Считается, что под этим псевдонимом пишут двое: Давид и я, Илья Обломов (папа, за что?!). Перед тем как предложить издательствам наш первый — и единственный на сегодняшний день *совместно* написанный роман, — мы долго думали и решили, что сочетание на обложке имен Давид Бирнбаум и Илья Обломов лучше заменить конструкцией покороче и не вызывающей столь явных реминисценций. Роман стал международным бестселлером, был успешно экранизирован и кормил нас обоих долгие годы. В частности, мой «ниссан» — остаток той самой роскоши. Мы гребли деньги если не лопатой, то по крайней мере аккуратным совочком. В этом нет никакой тайны, и «скелет» заключается в другом. Надо было продолжать ковать железо, но, едва мы засели за следующую книгу, я обнаружил, что не могу выдать из себя ни слова для этой затеи, которая с тех пор и навсегда сделала нас частью издательского конвейера. Меня тошнило от большой белой лжи под названием «show must go on», но кого интересовало состояние моего желудка? Давид рвался в бой, и, надо признать, у него для победы было все: талант, энергия, сила, умение договариваться с нужными людьми и умение им нравиться. Последними качествами я точно не обладал. В результате все последующие

книги с надписью «Вадим Ильин» на обложке написал он один, а я тихонько кропал что-то свое под другим псевдонимом и мог рассчитывать лишь на то, что в лучшем случае гонорар покроет расходы на лазерный принтер. Надо ли говорить, что в нашу долбаную эпоху, когда ярлычки окончательно заменили содержание, издатели настаивали на сохранении «бренда»? Тогда я не возражал, потом было поздно. Ситуация устраивала всех, кроме меня, а если совсем уж честно, то и меня иногда устраивала. Давиду было без разницы, под каким именем пожинать плоды; публика плевать хотела на то, сколько у кого соавторов, а я ощущал себя причастным к Большой Литературе, пусть и не на вполне законных основаниях. В некоторых случаях, на презентациях, вручениях премий и встречах с почитателями, мне приходилось играть роль соавтора, и я говорил себе, что делаю это исключительно ради Давида. Потом наступало раскаяние; я сам себе был противен и даже периодически рвался покончить с этим, но Давид всякий раз останавливал меня: «Какого черта, старик, смотри на это проще, как на мистификацию. Они этого хотят? Пусть жрут. Твои вещи ничуть не хуже». Но я-то знал, что они хуже всего того, что написал блестящий и неповторимый Вадим Ильин. И Давид тоже это знал.

В общем, как видите, у нас сложились особые

отношения. Внешне — дружеские; где-то в глубине — будто у дьявола с клиентом. Разобраться бы еще, кто на самом деле дьявол, а кто клиент... Во всяком случае, минувшие годы прошли под знаком определенной взаимной зависимости. Меня не покидало ощущение, что я обязан делать для Давида все, что могу. Его просьба приехать не оставила мне выбора. Но ведь в письме было еще кое-что: приглашение на чужой праздник жизни. Против новой книги, да еще «бомбы», да еще написанной действительно *совместно*, я бы, черт возьми, не возражал. Многое изменилось со времен того, первого, романа. Мне уже давно никто ничего не предлагал, а что может быть тяжелее невостробованных слов? Ведь они вобрали в себя все то, чего я, как мне казалось, недополучил в реальности — единственной и непоправимой.

Было и другое обстоятельство: у меня заканчивались средства к существованию. От моих новых книг господа издатели в последнее время отказывались. Электронные версии старых шли туго, и проценты я получал символические — пираты почти похоронили копирайт. Я все чаще поглядывал на карту Канады, ища на ней кружочек с надписью «Квебек». Я с трудом представлял себе, как туда перебраться и, главное, чем там кормиться. Я не посмел бы долго пользоваться Иркиной добротой; с другой стороны, работа где-нибудь на

автомойке означала бы, что я окончательно просрал свою жизнь. Здоровье уже не то, энергии — кот наплакал, веры в себя — еще меньше. Куда дернешься с таким багажом? А все равно жаль. Трудно смириться с тем, что впереди только пустота, старческая немощь, угасание, одиночество. Потому я и тешил себя иллюзиями. Да и просто хотелось пожить по-человечески, как говорил герой одного хорошего старого фильма.

7

Вот так-то. Тебе удалось немало выжать из меня, чертова монета. Я обнаружил, что все еще машинально поглаживаю ее пальцами. Это было какое-то тактильное опьянение...

Ну, хватит на сегодня. Всего час до полуночи, а ведь завтрашний день мне предстояло провести в дороге. Не рассчитывая на то, что проснусь с рассветом, и уже не очень хорошо различая стрелки, я поставил будильник на пять часов. В бутылке осталось не больше трети, и произошло это как-то незаметно. Зак спал беспокойно, сучил лапами и рычал во сне. Наверное, тоже сражался со своими призраками, как я недавно, но у него, бедняги, не было «первой — за счет заведения».

Я погасил ночник и погрузился в темноту, куда проникали лишь скользившие по жалюзи

слабые отблески фар проезжавших мимо мотеля машин, да еще тревожный гул двигателей. Продавец обещал мне полноценный сон. Обманул, мерзавец. Я ждал до полуночи, потом встал, оделся, сел в машину и долго ехал без единой мысли в голове, но со смутным ожиданием чего-то, а потом внезапно наступило утро и мимо промелькнула надпись «Добро пожаловать в Квебек» на трех языках. В моем «ниссане», оказывается, был установлен навигатор (не помню, чтобы я его покупал), и знакомый женский голос периодически подсказывал по-русски, где и куда поворачивать, чтобы попасть в пункт назначения. Это было похоже на игру, затянувшуюся лет на десять, но в конце концов я увидел дом, стоявший в таком красивом месте, что у меня защемило сердце, а возле дома меня ждала моя Ирочка. Она нисколько не постарела за прошедшие годы, только резче обозначились складочки, спускавшиеся от крыльев носа к уголкам губ, да глаза стали печальнее. Мы молча обнялись, потом, обнявшись, направились к дому. Оказавшись внутри, я понял, что не хочу никуда отсюда уезжать. Я еще не видел дома уютнее.

— Зак? — спросила Ирка.

— Умер в прошлом году. От старости. — Я действительно *помнил* это. Предчувствуя свою смерть, он с собачьей деликатностью хотел уйти со

двора и начал рыть замерзшую землю под воротами. Он углубился всего на несколько сантиметров, на большее не хватило сил и времени. Я нашел его утром, уже окоченевшего; начинался снегопад, снежинки падали на него и не таяли.

Ирка коснулась губами моей щеки. Ее присутствие было для меня и лекарством, и надеждой.

Мы сидели в гостиной, отделанной панелями из светлого дерева. Через открытые французские окна лился солнечный свет, и в воздухе носились ароматы цветущего сада. Часы шли медленно, как будто время тоже наслаждалось покоем. Мы говорили о том, куда бы пойти или поехать завтра. Потом начали вспоминать общих знакомых.

— Как там Давид? — поинтересовалась Ирка.

А в самом деле — как? Я вдруг понял, что не знаю. Я даже не мог осознать, с какого момента начинается провал в памяти. Я помнил, что должен был попасть на маяк, но не помнил зачем. Несмотря на близость Ирины, меня охватило жуткое чувство: с одной стороны, утрачивая воспоминания, утрачиваешь жизнь; с другой — теперешняя идиллия была под угрозой; что-то, пока неразличимое, ворочалось в темноте будущего и приближалось, чтобы разрушить долгожданную гармонию. Неоконченное дело и неоплаченный долг наваливались тяжелым бременем; мне

показалось, что потолок стал ниже, а снаружи доносится какой-то визг. Этот нестерпимый звук становился все громче, и в определенный момент из стены прямо передо мной появился огромный вращающийся диск. Он разрезал пополам камин, стоявшие на каминной полке часы, картину над ними, и вскоре уже вгрызлся в потолочную балку...

Я потянулся к Ирине, чтобы взять ее за руку и увести из дома, но обнаружил, что ее нет рядом. В тот же миг на меня обрушилась крыша... нет, невесомая темнота, свист пилы перешел в звон будильника, и я проснулся в номере мотеля «Роза ветров».

Зак сидел рядом с кроватью — его голова находилась вровень с моей — и смотрел на меня с укоризной: мол, что же ты, старик, себе думаешь? Я пока ни о чем не думал. Главное, что у меня еще был шанс добраться до маяка, а значит, я смогу ответить на вопрос «Как там Давид?», когда мы встретимся с Ирккой наяву.

8

До тех пор пока все не испортил будильник-пила, сновидение было на редкость приятным и многообещающим. Жаль, не удалось досмотреть его до конца. Интересно, если бы не

вмешательство извне, дошло бы у нас с Ирккой до постели? Ведь все казалось таким реальным...

Между прочим, похмелья я не ощущал. И потому решил, что надо бы заглянуть перед отъездом в магазин и запастись «снотворным» на следующие несколько ночей. Учитывая, что первая бутылка досталась мне даром, я был готов потратиться. В конце концов, в дальнейшем можно сэкономить на еде.

Я выпустил Зака на прогулку, а сам собрал вещи и забросил сумку в «патрол». Дождь прекратился, но небо по-прежнему было затянуто облаками. Я зашел в офис менеджера и уладил формальности с равнодушно-молчаливым Олафом, который, как я успел заметить, до моего появления смотрел на компьютере «Пиратов Карибского моря».

Магазин был открыт круглосуточно. Я снова оказался единственным клиентом, только вместо вчерашнего продавца за прилавком дремала перезревшая девица с расплывшимися формами и фиолетовыми губами. С первой же секунды стало очевидно, что мое появление неуместно и я ее сильно раздражаю. Вопрос «И что тебе, старперу, не спится?» так ясно читался на ее скривившейся физиономии, что полезнее всего для моих нервов было бы сразу развернуться и отчалить. Но я еще не вполне избавился от дурацкого заблуждения, что

торгующие хоть немного заинтересованы в продажах.

— Две поллитровые бутылки бакарди, пожалуйста, — сказал я, выкладывая на прилавок деньги.

— Какого еще бакарди? — брезгливо осведомилась девица.

— Ром бакарди. Черный. Я вчера вечером брал.

— Ни хрена подобного, — нагло сказала она, начиная жевать жвачку, до этого, видимо, отдыхавшую за щекой. — Я тут всю ночь торчала. Ромом не торгуем.

Я открыл было рот, чтобы по гнилой интеллигентской привычке привести разумные аргументы, но потом еще раз взглянул на ее шевелящиеся губехи и понял: безнадежно. При общении с подобными персонажами апеллировать к головному мозгу себе дороже. В лучшем случае вас не поймут. В худшем обматерят.

Я спрятал деньги и вышел из магазина. Хмурый охранник гонял по стоянке Зака. С утра как-то все не складывалось — верный признак того, что пора уносить ноги из этого места. Оно исчерпало себя и свой запас приятных ночных сюрпризов. И если приберегало на день одни неприятные, то лучше их не дожидаться.

Я далек от мистицизма, но, надеюсь, также и

от галлюцинаций. Человек, вручивший мне бутылку рома, мне не привиделся, да и бутылка — вот она. Что может быть убедительнее? Забравшись в машину, я открыл ее и понюхал содержимое. Запах воспоминаний и надежд. «Первая — за счет заведения». Значит, предполагались и следующие? С этой утешительной мыслью я покинул «Розу ветров».

9

Зак вел себя беспокойно, поскуливал и вертелся на сиденье, выбирая позу, в которой раны причиняли бы наименьшие неудобства. Сегодня он явно чувствовал себя хуже. Не настолько, чтобы я помчался на поиски ветеринарной клиники, но без визита в аптеку, похоже, не обойтись.

Спустя полчаса, проезжая через небольшой городок, я увидел аптечную вывеску, остановился и купил баночку мази Вишневского. Как выяснилось, выбросил деньги на ветер, потому что Зак не из тех, кто будет лежать спокойно, пока ты пытаешься облегчить ему жизнь, и дело тут не в глупости, а в мерзком характере. И еще, может быть, в запахе березового дегтя. Ну и ладно. Надеюсь, поговорка «заживает как на собаке» — не пустая выдумка любителей кошек.

Часам к девяти я основательно проголодался.

Придорожных кафе было достаточно, но я не отказался от своего намерения экономить и решил купить продукты в каком-нибудь супермаркете. На въезде в очередной населенный пункт пришлось пережить небольшой стресс, когда меня остановил инспектор дорожного патруля. Я ничего не нарушил, причина была в другом. Убедившись, что машина не угнана, служивый отпустил меня с пожеланием счастливого пути. Думаю, не последнюю роль тут сыграл членский билет Союза Писателей с надписью «пресса», который я как бы случайно подаю в таких случаях вместе с водительским удостоверением. Надо же извлекать хоть какую-то практическую пользу из пребывания в рядах этой противоестественной организации.

В половине десятого завибрировал мобильник. Пару секунд я позволил себе помечтать: хорошо если бы это звонил Давид, который сообщил бы, что с ним все в порядке, ложная тревога, недоразумение исчерпано. Я бы развернулся и со спокойной совестью потарахтел в обратном направлении, а уже завтра, во второй половине дня, — неземное счастье! — развалился на своем диване с какой-нибудь книжкой и стаканом рома бакарди под рукой. А вечером, пожалуй, связался бы по скайпу с Ирккой и попросил ее выяснить, что конкретно нужно сделать, чтобы произошло чудо и Канада приняла

балласт массой девяносто пять килограммов, не способный ни на что другое, кроме как составлять более или менее внятные предложения из слов чужого языка.

Но звонил всего лишь отпрыск Давида. Поганец явно решил проконтролировать, как ленивый и необязательный дядя Илья выполняет свое обещание. Я заверил его, что нахожусь на полпути к цели, и поинтересовался, как себя чувствует Елена. Судя по тревожным нотам в голосе Марка, у нее были серьезные проблемы. Я снова подумал, не станет ли это лето последним для кое-кого из нас. Возможно, судьбе показалось, что она и так слишком долго баловала семейство Давида и его соавтора.

Зарулив на стоянку супермаркета, я приготовился к очередному раунду вечного спора с Заком по поводу того, оставаться ли ему в машине, но пес лишь вяло тявкнул пару раз, провожая меня взглядом. Людей в торговом зале было негусто. Я слонялся с корзиной вдоль забитых жратвой стеллажей, выбирая то, что подешевле и покалорийнее. Мое внимание привлекла старая цыганка в полной амуниции, которая катила тележку мне навстречу. Девушка, что раскладывала товар на полках — кажется, эта профессия сейчас называется кошмарным словечком «мерчандайзер», — сделала ей замечание:

— С кошками вход запрещен.

Цыганка пристально посмотрела на нее; в черных глазах засветился какой-то странный интерес. Я не мог взять в толк, о чем речь, потому что не заметил никаких кошек. В тележке у старухи лежали только сосиски и пакет молока.

— Это не кошка, а кот, — сказала цыганка. — Если ты его тоже видишь, тебе не нужно здесь работать.

Девушке явно сделалось не по себе. Мне знакомо это ощущение. Когда-то, по молодости и по глупости, я имел дело с цыганами и сравнительно дешево отделался. Однако я до сих пор помню досаду, которую испытывал после того «эксперимента», и гнетущее чувство, что был обманут в чем-то большем, чем потеря денег.

Цыганка спокойно покатила тележку дальше, а я свернул в другой ряд, но вскоре увидел ее снова. В этот утренний час работали всего два кассира, и образовалась очередь из трех-четырёх человек. Цыганка пристроилась прямо за мной. Надо сказать, неприятное соседство. От нее пахло, причем не только в общепринятом смысле. Это был запах какого-то чуждого и опасного мирка, надежно спрятанного во внутренней темноте. И вдруг я услышал:

— Что тебе здесь нужно, *мурдало* ?

По-моему, последнее слово прозвучало

именно так, но деньги я бы на это не поставил. Я обернулся только для того, чтобы посмотреть, к кому она обращается, и наткнулся на встречный взгляд. Ее глаза напоминали куски антрацита. Я считаю себя не поддающимся гипнозу, но на всякий случай решил, что не позволю ей втянуть меня в бессмысленный разговор. К моему сожалению, очередь двигалась слишком медленно — впереди стояла дородная дама с полной тележкой.

Я отвернулся и принялся выкладывать товар из корзины на транспортировочную ленту, и тут что-то ударило меня по руке. Дернувшись от резкой боли, я посмотрел на тыльную сторону ладони — на ней краснели четыре параллельные царапины. И это не могло быть ничем иным, кроме как следами кошачьих когтей.

Я и в обычном состоянии не отличаюсь быстротой реакции, а в данном случае оказался просто в ступоре. «Черт, как она это сделала?» — задавал я себе вопрос и не находил ответа. Потом нахлынула ярость, причем худшая ее разновидность, не имеющая выхода. Как себя ни веди, все равно будешь выглядеть идиотом: если набросишься на старуху — в чужих глазах, если спустишь все на тормозах — в своих собственных. Я торчал в этом тупике, а цыганка прошипела мне в спину, но так тихо, что никто, кроме меня, ее не слышал.

— Убирайся туда, откуда явился, *бэнг* !

— Да пропади ты, тварь, — пробормотал я себе под нос, чтобы хоть немного стравить внутреннее давление.

Внезапно у меня потемнело в глазах. Вместо людей и предметов остались только тусклые силуэты, похожие на искаженные негативные изображения. Источники света превратились в черные круги и спирали, из которых струилась мгла. Это продолжалось не больше секунды и закончилось так же внезапно, как началось. Я пошатнулся, но устоял, опершись на поручни.

Зато цыганка, как выяснилось, рухнула замертво. Поднялся небольшой переполох. Кто-то крикнул: «Вызывайте скорую!» Передо мной освободилась касса, и больше не было причин задерживаться. Тем более что теперь я тоже видел черного кота, сидевшего на груди у цыганки и злобно скалившегося в мою сторону.

10

Супермаркет скрылся из виду, но осадочек, как говорится, остался. Остались и царапины на руке, которые я промыл ромом и смазал йодом из аптечки. Хотя, если кот бешеный, эти меры предосторожности были все равно что мертвому припарки. У меня даже аппетит пропал... на время.

Потом все-таки вернулся, и я стал высматривать место, где можно было бы перекусить, размять ноги, а, если повезет, то и вздремнуть с полчаса. Проще говоря, *безопасное* место — но есть ли еще такие, это, конечно, вопрос.

Переезжая мост, я увидел несколько машин, стоявших на берегу метрах в ста от трассы. Погода постепенно улучшалась, и на диком речном пляже расположились три-четыре семейства, а в воде резвились детишки. Детей я не люблю — от них слишком много шума и суеты, — но тут решил, что выдержу сомнительное соседство ради того, чтобы избежать других, менее желательных встреч.

По наезженной колее, тянувшейся вдоль берега, я подобрался к автопарку беззаботных отдыхающих и заглушил двигатель в тени старой плакучей ивы. Некоторое время сидел неподвижно. Потом принялся есть бутерброды, запивая их яблочным соком из пакета. В спокойной речной воде отражался опрокинутый противоположный берег и полоса неба с голубыми просветами. Ниже по течению на шаткой сижке клевал носом рыбак в шляпе с поникшими полями. Дорого бы я дал сейчас за то, чтобы поменяться с ним местами, хотя ненавижу рыбалку, охоту и прочие традиционные мужские забавы.

В другое время Зак уже сожрал бы свой завтрак и половину моего, а затем прогрыз бы дыру